

В бывшей ГДР идет болезненный процесс ломки старой театральной системы, в которой хватало изъянов и даже пороков. А что приходит ей на смену? Во каком случае отнюдь не культурный рай и не та свобода творчества, которую надеялись обрести после падения Берлинской стены восточногерманские профессионалы театра, вынужденные расстаться сегодня со вчерашними иллюзиями. Словом, все не так просто и однозначно: плюсы оборачиваются минусами, и наоборот... Об этом позволяет судить обширный репортаж парижской газеты «Либерасьон», который мы перепечатаем с небольшими сокращениями.

Когда колесить по городкам зеленой и плодородной Тюрингии, что расположена на юго-западе ныне почившей Германской Демократической Республики, то невольно начинаешь казаться, что именно здесь находился в недавнем прошлом земной рай общедоступной культуры. В самом деле, маленькая, насчитывающая всего два с половиной миллиона жителей земля имела в своем распоряжении восемнадцать оркестров и восемь театров. И не просто театров, а так называемых «драйспаргентеатер», то есть театральных комплексов, состоящих из трех частей: драматической, оперной и балетной.

Впрочем, в ГДР это было

видностью гигантских государственных предприятий, полагалось выделять бесплатные годовые абонементы для всех местных заводских бригад и прочих коллективов ударного труда. А посему в окошках театральных касс перед началом любого спектакля тут неизменно красовалась табличка «все билеты проданы», хотя кресла в партере, предназначенные доблестным труженикам, часто пустовали по той простой причине, что последние, сильно наломавшись за день у станка, не имели сил и охоты культурно просвещаться.

Едва обе Германии объединились, все это культурное изобилие и роскошество оказалось под вопросом. Вот и в Тюрингию тоже из Западной Германии примчались бездушные администраторы и педантичные бухгалтеры, наделенные миссией «внедрить в театры восточных земель единственно правильные принципы бесплатной, массовой и щедро оплачиваемой центральными властями культуры».

Этим «культурным комбинатам», явившимся разно-

видностью театров вдвое, а оркестров втрое больше, чем в породненной в ней западногерманской земле Рейнланд-Пфальц, имеющей примерно такое же население!

С тех пор всевозможные аудиторские комиссии заняты тем, что пытаются, хотя и наталкиваясь на большое сопротивление, ликвидировать эту «ничем не оправданную диспропорцию». И руководствуясь они при этом лозунгом, брошенным в отношении абсолютно всех сфер деятельности: экономить и еще раз экономить!

В столице Тюрингии Эрфурте сей лозунг очень скоро был воплощен в жизнь. Раньше здешний Городской театр имел в своем штате 560 постоянных сотрудников, включая творческий и технический составы, различные мастерские, ателье и т. д. После того как сюда прислали из Западной Германии нового директора господина Дитриха Таубе, началась «чистка». По результатам аудиторской экспертизы часть мастерских была закрыта, и театр, ранее существовавший в режиме

самобеспечения, перешел на уолуги частных фирм. Его персонал сократился втрое, причем на смену старой системе «пожизненного договора», который распространялся на всех работников, начиная от актеров, кончая каскадерами, пришла система индивидуальных контрактов, каждый год пересматриваемых заново.

Большинство восточногерманских театров поначалу встретили новых, пришедших с Запада директоров с распростертыми объятиями. «Надо отдать им должное: они умеют лавировать в сложной административно-юридической структуре, распространявшейся с западных земель на всю страну. Они в состоянии выхлопотать для нас субсидии», — признается одна из эрфуртских актрис. При этом она, однако, не скрывает, что испытывает «чувство

досады от всей этой упорядоченной колонизации».

Дитрих Таубе в прошлом руководил театром Майены, уютного городка на берегу Рейна. Этот с виду типичный бюргер, одетый в классическую «тройку», прекрасно осознает всю трудность выпавшей на его плечи задачи. «При демократии финансирование культуры и искусства куда сложнее, чем при диктатуре», — констатирует он. — Здесь люди пока еще не разобрались в сущности капиталистической системы. Раньше все необходимые средства поступали сюда непосредственно из Восточного Берлина. Сегодня каждая земля должна сама содержать свой театр. И тут одной политической воли недостаточно».

В документе, подписанном обоими Германиями в октябре 1990 года, был пункт, предусматривавший для восточ-

ногерманских театров двухгодичный «переходный период», который позволил бы им постепенно освоить новую финансовую систему. Однако во многих городах власти затянули с переходом, и сегодня их театры находятся в чрезвычайно зыбком положении. Чтобы избежать окончательного закрытия, они изобретают всевозможные формулы выживания.

Первой такой формулой, получившей здесь широкое распространение, стало алиансирование театров. Вот лишь один пример. Города Эйзенах и Гота находятся друг от друга на расстоянии нескольких километров. Раньше в каждом из них существовал свой «драйспаргентеатер». При капитализме такая роскошь не по карману. Пришлось городам после долгих и мучительных переговоров «поделить сферу влияния»: Эйзенах ликвидировал свою драматическую труппу и «передал» своих музыкантов в оркестр Готы, сохранив за собой оперу и балет. «Подобные компромиссы не обходятся без групповых увольнений и без личных трагедий», — объясняет драматург Клаус Гронау. — У людей возникает желание, что отныне существует только один критерий: экономическая рентабельность. А ведь потерял театр — это означает для города потерю часть своей индивидуальности».

В Эрфурте борьба за выживание вынуждает круто менять репертуарную политику. На театральной афише появляются мюзиклы вроде «Эвита» или «Иисуса Христа — суперзвезды». На Западе их уже давно отыграли, но здесь публика их только открывает. А в Нортхаузене в поисках выхода из тупика

администрация перешла на чисто молодежные развлекательные программы. Директоры других театров идут еще дальше: периодически превращают свои залы в дискотеки.

«Сегодня театру приходится существовать в условиях дикой конкуренции», — продолжает Клаус Гронау. — Из-за безработицы и материальных проблем у людей исчезает желание ходить на спектакли. А тем временем в каждом квартале открываются все новые магазины, торгующие видеотехникой. Посмотрите на крыши жилых домов: они превратились в леса параболических антенн. Эти новые, западные виды развлечений нанесли разрушительный удар по театру, который при коммунистическом режиме часто оставался единственным культурным досугом провинциальных городов. Художника Андреаса Бар-

ча, приехавшего в Эрфурт оформлять «Скупого» Мольтера, эти нестабильность и незащищенность только радуют. Он видит в них залог динамики и новой энергии. «В восточногерманских театрах было засилье «незаменимых пятидесятилетних». За 30 лет существования Городакой театр Эрфурта видел лишь трех режиссеров, одного декоратора и одного художника по костюмам. Ни разу сюда не приглашались на гастроли другие труппы. У молодежи не было ни малейших шансов сделать карьеру... Отсутствие конкуренции и стопроцентная занятость полностью парализовали творческое начало. Сегодня же все пришло в движение!».

Итак, слово произнесено: «коллектив». Почти забытое на Западе, оно было основой основ всех восточногерманских театров. Из года в год одна и та же труппа играла вместе, постепенно вырабатывая единую для всех эстети-

ку. А сегодня коллектив распадается, уступая место контрактной системе и становясь предметом ностальгии... По этой эпохе, когда всем правил «коллективный дух», в Эрхарте вздыхают очень многие. Эккехарт Кизеветтер, коммунист и бывший художественный руководитель Городского театра, ушел со своего поста сам, не дожидаясь, что его уволят. «Я не мог в одиночку сделаться другим», — говорит он. И продолжает: «Нам без усталости твердят, что все, что мы создавали, было дерьмом. Но сегодня я просто не узнаю своего театра».

«Да, раньше труппа была куда активнее и смелее, — подхватывает актер Карлхайнц Вельцель. — В ГДР за открытую критику Хоннекера люди сажили в тюрьму. А сегодня никто не отказывается дурно отозваться о господине Таубе из страха потерять место».

Самые отчаянные все же уезжают в Западную Германию, забрав с собой и 64-летний Вельцель, честно отслуживший в Эрфурте более четверти века. «Здесь мы великодушны к комфорту, — замечает он. — Надо на старости лет рискнуть и попробовать переосмыслить самого себя. Попробую поработать с кем-нибудь из интересных западных режиссеров». Как и других актеров, решивших поехать на Запад, его слегка поздравляют. И немудрено: тот пьянящий ветер свободы, которого они с таким нетерпением ждали при коммунистическом режиме, несет с собой, помимо прочего, еще тревогу и горечь...

И все же в этой печальной панораме увольнений, закрытий и слияний есть одно счастливое исключение: город Иена. В то время как по всей территории бывшей ГДР наблюдается театральный кризис, здесь недавно на развалинах старого, давно забро-

шенного здания возник новый театр. Все началось с того, что в городе появилась группа выпускников Берлинской театральной школы во главе с таким же молодым режиссером Свен Шлетке, которые в буквальном смысле влово засучили рукава, принялись возводить свой будущий «Театерхаус». — Дом театра. «Иена, расположенная по соседству с легендарным Веймаром, до сих пор пропитана подлинной немецкой культурой. В городе находится старейший университет, бывший при коммунистах очагом диссидентства. Словом, идеальное место для воплощения нашей мечты», — объяснял тогда Свен журналистам.

А мечта заключалась в создании театра, свободного от чиновников и профсоюзов, самоуправляемого, самоорганизующегося, без традиционной иерархии, с гибким демократическим укладом, когда каждый чувствует себя равноправным членом команды. «Чтобы не как при коммунистах

хнычут и жалуются на судьбу. Здесь актеры хором признают, что «подобной увлекательной авантюры» им никогда бы не совершить при старом режиме. И вместе с тем они прекрасно сознают, что их театр — это именно восточный «продукт», которому не нашлось бы места на Западе».

Кристина Эмиг-Кеннинг, пользовавшаяся в ГДР славою очень смелого режиссера, после объединения была поначалу просто парасхват в Западной Германии. Сегодня она ачастлива, что пернулась к себе и сотрудничает с этим молодежным коллективом. «До падения Стены было модно приглашать режиссеров из ГДР работать в ФРГ. Теперь иллюзии исчезли. Стало ясно, что мы там больше никому не нужны. Нам просто пытаются аннексировать. Вот почему я вернулась сюда и намерена здесь оставаться», — говорит она.

В «Театерхаус» царит дух радостного творчества, резко контрастирующий с атмосферой большинства других театров бывшей ГДР, где все

материал подготовила Елена КАРАСЕВА.